

«Этот человек, — говорит Мирабо, —
что-нибудь сделает:
он верит в каждое свое слово».

Карлейль.
История французской революции

Р. ГАРРИСЪ.

ШКОЛА АДВОКАТУРЫ

Руководство къ веденію гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ.

„Этотъ человекъ, говоритъ Мирабо,
что ибудь сдѣластъ: онъ вѣритъ въ
каждое свое слово“.

Карлейль. Исторія французской революціи.

Переводъ съ англійскаго
П. СЕРГЪИЧА.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911.

Ричард Гаррис

ШКОЛА АДВОКАТУРЫ

Издательство
«Центр учебной литературы»
Киев – 2020

УДК 347.965
Г 21

Гаррис Ричард.
Г 21 Школа адвокатуры / Ричард Гаррис. – Киев: Центр учебной литературы, 2020. – 304 с.

ISBN 978-611-01-1950-4

Выдающийся английский адвокат-практик XIX века Ричард Гаррис, имевший огромный опыт ведения защиты на процессах, стал автором первого в истории европейского юридического образования учебника практической адвокатуры. В книге рассмотрены все этапы ведения процесса, различные психологические типы допрашиваемых, примеры дел и их ведения, рассказывается о нетривиальных случаях в адвокатской практике, а также даны рекомендации по искусству защиты в суде. Она ориентирована на практическую деятельность адвоката и предлагает свод правил успешного ведения гражданских и уголовных дел.

Уникальная монография английского юриста XIX века служит и сегодня блестящим руководством к ведению дел гражданских и уголовных. Правоведы девятнадцатого столетия считали это сочинение «украшением судебной литературы».

УДК 347.965

ISBN 978-611-01-1950-4

© Центр учебной литературы, 2020.

ПОСВЯЩЕНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

С переводом этой книги связано одно из лучших воспоминаний моей жизни. Незабвенный Александр Яковлевич Пасовер считал сочинение Гарриса украшением европейской судебной литературы и дружески приветствовал мое намерение издать его на русском языке; по его просьбе к В. Ф. Дерюжинскому оно было первоначально напечатано в приложении к «Журналу Министерства юстиции»; ему принадлежит мысль изменить английское заглавие. Светлой и благодарной памяти о нем я посвящаю свою скромную работу.

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Печатаемая нами в переводе книга Р. Гарриса «Hints on Advocacy» была издана впервые в Англии во второй половине прошлого столетия. С тех пор она выдержала тринадцать изданий. В Англии это первая и до сих пор единственная попытка систематического изложения здравых правил ведения гражданских и уголовных дел. Если сравнить это сочинение с книгами этого рода в континентальной литературе, например с руководствами Миттермайера, Ортлофа и отчасти даже с прекрасным руководством Фридмана, нельзя не заметить разницы между ними. Эти книги написаны в кабинете по другим книгам, та — создалась по заметкам, схваченным на лету в бесчисленных процессах, где умный, образованный и опытный адвокат был опасным участником судебного состязания или внимательным его наблюдателем. Можно сомневаться, чтобы даже немец мог научиться чему-нибудь по толстой книге Ортлофа или по Миттермайеру, и можно сказать с уверенностью, что каждый товарищ прокурора и каждый адвокат, будь он русский, француз или немец, научился бы многому, если бы изучил Гарриса.

Английский процесс, в общем, достаточно знаком нашим читателям и не требует предварительных разъяснений. Напомним только, что судебное следствие начинается вступительной речью обвинителя или гражданского истца, затем следует допрос выставленных им свидетелей; он называется «главным» или «первоначальным» допросом. После этого представитель противной стороны производит так называемый «перекрестный допрос» тех же свидетелей и допрашивает свидетелей со стороны подсудимого или ответчика. Последние, в свою очередь, поступают в распоряжение обвинителя или истца; после перекрестного допроса каждая сторона имеет право вторичного допроса своих свидетелей, так называемого «передопроса». По принятому правилу сторона, выставившая свидетеля, не имеет права задавать ему наводя-

щих вопросов; со стороны противника такие вопросы допускаются, но только по второстепенным, а не по существенным обстоятельствам.

Известно, что искусство допроса доведено в Англии до совершенства, и представитель стороны иногда вовсе отказывается от прений, предоставляя присяжным разрешить иск или обвинение по данным судебного следствия. Наши судебные деятели далеки от этого мастерства, и указания Гарриса по этому предмету могут быть очень полезны для них. Нам кажется, что не менее ценны и указания его о других моментах процесса, в частности о судебных прениях.

Автор скромно назвал свое сочинение «Советами», «Намеками»; но это название не соответствует истинному характеру книги и потому заменено другим, как можно думать, более точным по ее существу. В подлиннике нет подстрочных примечаний; те, которые приложены к тексту в настоящем издании, принадлежат переводчику. Читатели найдут полезные указания в книге Дж. Стифева «Очерк доказательственного права», перевод П. И. Люблинского.

ВСТУПЛЕНИЕ

В жизни адвоката бывают два периода: первый — когда он ловит стряпчих, второй — когда его ловят стряпчие. Чтобы дожить до второго периода, надо быть настоящим адвокатом. Но у нас нет школы адвокатуры; нет лекций об адвокатском искусстве; сколько мне известно, нет и книг об этом искусстве. Вступив в сословие, молодому адвокату приходится выбираться на дорогу собственными силами ценою немалого ущерба для вверенных ему чужих нужд и достояний, ценою гибели не одного несчастного клиента. Никогда не учившись искусству защиты, он так же мало подготовлен тому, чтобы отстаивать права своих клиентов, как они сами, если не считать того, что, благодаря знанию закона, может дать ему чисто юридическая оценка дела. Мне кажется очень печальным, что искусство, требующее почти бесконечного количества знания, остается без всякого руководства для тех, кто посвятил себя ему. Нельзя научиться такту, но опытность приводит к такту, а многие указания опыта могут быть переданы в виде правил. *«Я никогда так не чувствовал отсутствия старшего, как при перекрестном допросе этого врача»,* — сказал один талантливый молодой адвокат, уже достигший немалых успехов. Как могло это случиться? Обстоятельство, о котором надо было допрашивать свидетеля, было совсем несложное, хотя спор шел о том, страдало ли известное лицо душевной болезнью или нет в определенный промежуток времени. Не имея ни правил, ни общего указания о том, как надо действовать, он оказался в совершенно беспомощном положении.

В адвокатском искусстве, как я уже говорил в другом месте, столь многое зависит от «игры», что неопытный человек может сбросить лучшие карты и потом удивляться, как мог проиграть. Многие молодые адвокаты думают, что, воздерживаясь от перекрестного допроса, они выказывают свое неумение вести дело, что потеряют доверие своих клиентов и многое другое. Адвокат, имеющий право на это звание,

не станет подчиняться подобным соображениям, а будет твердо держаться того, что я называю правилами здравого смысла. Если он сомневается, о чем спрашивать свидетеля противной стороны, он не станет спрашивать вовсе. Никогда не идите на ненужный риск; и помните, что только в безнадежном положении можно рискнуть вообще.

Коль скоро мы признаем, что адвокатское искусство, как всякое другое, имеет свои общие правила, хотя бы неписанные, всякий, кто служит ему, будет стремиться найти эти правила и сообразовываться с ними в своей работе. Если перекрестный допрос не есть простое издевательство над свидетелем в целях довести его до потери самообладания и сознания, то что же такое перекрестный допрос? Это есть умение выставить в наиболее выгодном для интересов вашего клиента свете те данные, которые заключаются в показаниях свидетелей противной стороны, дополнить их, если можно, выяснением обстоятельств, которых не коснулся ваш противник, и заложить основания для опровержения этих показаний, *когда это нужно*. Соответственно этим положениям существуют три главных правила, из коих вытекают несколько второстепенных указаний. Можно сделать такие же указания и для других отраслей этого высокого, блестящего искусства, и только отчетливое усвоение и неизменное соблюдение этих правил могут создать настоящего адвоката.

Одна практика, без знаний, может только развить и укрепить небрежность и неискусные приемы. Как часто адвокат, не усвоивший этих правил, вызывает своими вопросами и речами как раз противоположное тому, к чему стремился!

В числе многих преимуществ, связанных с ведением судебных дел по правилам настоящего искусства, надо иметь в виду и экономию во времени и, может быть, экономию в расходовании общественных средств. Как часто в былые годы приходилось нам по целым часам слушать бессодержательную, скучную болтовню адвоката, требующего проси отсрочки дела или возражающего против нее, болтовню, наполненную многословными повторениями и пошлыми общими местами, как мы страдали за четырех истомленных судей, искупавших свое величие обязанностью выслушивать ничтожные рассуждения по ничтожнейшим вопросам.

Если рассудить, как мало фактов бывает в большинстве наших дел, нельзя не удивиться тому, как мало нужно вопросов, чтобы установить эти факты. А если подумать еще и о том, что в большинстве случаев лишь очень немногие вопросы могут быть полезны при перекрестном допросе и очень многие могут быть прямо опасными, то всякому станет понятно, как важно уяснить себе две вещи, прежде чем приступить к допросу: во-первых, о чем надо спрашивать, и во-вторых, как надо спрашивать. То же можно в большинстве случаев сказать и о речах. Говорить о многом судебному оратору не приходится; и если достоинство речи заключается в том, что вы говорите, то сила ее в значительной степени зависит от того, как вы это скажете. Сила речи, как всякий знает, заключается в ясности и краткости, а не в продолжительности и многословии.

Другое преимущество, связанное с изучением адвокатского искусства как искусства, есть умение избегать ошибок. Можно сказать вообще, что для того, кто учится *только на практике*, ошибки будут общим правилом, а избежание ошибок — счастливой случайностью.

Избежать ошибки значит сделать шаг вперед на пути к совершенству, и мои наблюдения убедили меня, что практика адвокатского искусства без его теории больше приучает к ошибкам, чем отучает от них.

Есть еще одно обстоятельство, о котором может быть нелишним упомянуть. Прежде думали, а некоторые думают и поныне, что *отсутствие перекрестного допроса свидетелей равносильно признанию верности их показаний*. Это безусловно ложное, логически несостоятельное мнение, которое давно пора бросить.

Можно, конечно, было бы предписать такое правило, так же, как можно было бы, если бы вздумал законодатель установить, что дело должно быть решено в пользу того, кто дольше говорит. Но и само правило, и соблюдение подобного правила или подобного недоразумения были бы вопиющим нарушением здравого смысла.

Отсутствие вопросов к свидетелю с вашей стороны вовсе не значит, что вы признаете верность его показаний: в противном случае иностранец, не знающий нашего языка, будучи предан суду, подлежал бы непременному осуждению, если бы в суде не нашлось переводчика. То же случилось бы со всяким тяжущимся или подсудимым, если бы он взял-

ся сам вести дело и не захотел бы отдавать себя на общее посмешище перекрестным допросом. Все это пережиток той нескладной старой школы, в которой адвокаты не учились ничему, кроме непристойного поведения на суде.

Я понимаю, что в известных случаях признание может быть вполне целесообразным приемом и что, как воздержавшись от перекрестного допроса, так и всяким иным способом, вам не возбраняется указать, что вы не спорите против того или иного положения обвинителя; но заключать из этого, что вы признаете все показания свидетелей противника неоспоримыми, столь же несправедливо, как логически неверно. Представим себе, что высокопочтенное лицо, например епископ, утверждает под присягой, что подсудимый, столь же почтенный человек, вытащил у него на одной из лондонских железнодорожных станций кошелек из кармана. Предположим также, что у нас обеспечено надежное алиби. Я хотел бы спросить всякого, кто хоть на десять минут когда-нибудь вдумывался в искусство адвоката, — какой вопрос мог бы он предложить этому свидетелю? Если он сумеет ответить, я могу сказать только одно. Если нет, скажу что из него выйдет настоящий адвокат.

Если мы не станем подвергать епископа перекрестному допросу, разве это будет признанием вины? Да, это признание, скажет адвокат старой школы, хотя бы вы со своей стороны привели архиепископа и лорда-канцлера в удостоверение того, что в день происшествия подсудимый был вместе с ними в самом северном уголке Англии. Ничего не значит, допрашивать все-таки надо. Так полагается. Во всяком случае вы не откажетесь, может быть, указать, *о чем спросить свидетеля*, ибо, признаюсь, я решительно не могу придумать разумного вопроса.

Предположить, однако, что подсудимый на самом деле был на вокзале железной дороги и стоял рядом с епископом в ту минуту, когда у него вытащили кошелек. При этих условиях перекрестный допрос имеет смысл, как всякий знает, ни отношению к *одному обстоятельству*, — но только к одному. Но, если бы защитник не стал допрашивать потерпевшего, в этом все-таки не было бы ничего погожего на признание; и нельзя насканивать на присяжных с намеками, что подсудимый «положительно признал» свою вину. Всякое обращение к присяжным по этому поводу со стороны защиты, естественно, касалось бы того же

обстоятельства, о котором можно было и допросить потерпевшего. Но я не уверен, что при наличии свидетелей, удостоверяющих нравственную безупречность подсудимого, перекрестный допрос не будет лишним, если только первоначальный допрос производился с надлежющей сдержанностью.

Как бы то ни было, обвинитель не должен распространяться перед присяжными в указанном выше смысле и ни в каком случае не должен обращать молчание защитника в улику против подсудимого.

Труднее всего научиться тому, *чего не следует делать*.

Как часто в заметках, полученных от стряпчего, встречаются указания такого-то свидетеля подвергнуть строгому перекрестному допросу. Как будто дело в строгости, а не в уменье!

Нужно ли объяснять, что если даже приходится «нажимать» на свидетеля, то следует делать это с тактом и осторожностью; как скоро он догадался, куда ведут вопросы, вы уже ничего от него не добьетесь. Он скрывает именно то, что вы хотите обнаружить, и потому все ваши натиски будут им отбиты без труда.

В книге сэра Вальтера Скотта «Сердце Мидлотиана» встречается отличный пример неудачи перекрестного допроса вследствие неумения прокурор-фискал. Он допрашивает молодую девушку Эффи, чтобы выведать у нее улики против Робертсона:

«— Большой он должен быть негодяй, Эффи, тот, кто привел вас в такое положение? — сказал прокурор.

Я, может быть, более виновата, — сказала Эффи. — Сама должна была знать; а он, бедный... — Она замолчала.

Всегда был отъявленным негодяем, конечно, — сказал фискал. — Он ведь был нездешний и дружил с этим беззаконником и бродягой Вильсоном. Так, кажется, Эффи?

Я бы дорого дала, чтобы сказать, что он никогда в глаза не видал Вильсона.

Вот это верно, Эффи, — продолжал фискал. — Где это вы встречались с Робертсоном в то время? Кажется, где-то около Лех-Кая?»

В своем удрученном состоянии доверчивая девушка до сих пор шла за вопросами фискал, потому что он искусно приравнивал их к тем мыслям, которые естественно занимали ее; это были не столько

ответы, сколько размышления вслух; человека, рассеянного от природы или придавленного большим несчастьем, нетрудно привести в это настроение рядом искусных внушений. Но последние слова прокурор-фискала были уже прямым допросом; они рассеяли колдовство.

Что это я сказала? — воскликнула Эффи, вздрогнув и выпрямившись на своем сиденье; она торопливо откинула назад свои спутанные волосы, открыв измождению нес еще прекрасное лицо, смело и пристально взглянув на фискала. — Вы дворянин, сэр, и вы честный человек; вы не станете ловить слова бедной девушки, почти потерявшей рассудок. Господи!

«Нет, нет; конечно, нет, — поспешно сказал прокурор, стараясь успокоить ее. — Я хочу только помочь вам, а чтобы помочь вам, мне надо изблечить негодя Робертсона.

«О, не клеветайте, сэр, на того, кто никогда не клеветал на других. Я знаю, что ничего худого о нем сказать не могу и не скажу!»

Чрезмерная настойчивость погубила старания прокурора.

То же происходит и при допросе полоумной Мэдж Диксом; он старается выпытать то, что она знает о «Добром Георге».

— А кто был этот Добрый Георг? — спросил Динс, сараясь вернуть ее к прерванной нити рассказа.

— О, это был Георг Робертсон; знаете, когда он жил в Эдинбурге; только это не настоящее его имя; его зовут... А зачем вам знать, как его зовут? — вдруг, как бы опомнившись спросила она».

Хотя Мэдж и была сумасшедшей, тем не менее этот отрывок верно указывает, к чему приводит чересчур заметное старание добиться желательного ответа. Можно ли приманить птицу криком?

«Мэдж продолжала отрывочную дикую болтовню, внушаемую ей расстроенным воображением; в этом состоянии она несравненно охотнее говорила и о себе, и о других, чем при попытках выведать у нее что-либо в этом направлении прямыми вопросами или перекрестным допросом».

Только знание людей может подсказать нужные вопросы. В заметках стряпчего их быть не может, хотя в них и могут быть указаны те факты, которых должен касаться допрос. «Спросите о том-то и том-то», «будьте настойчивы по отношению к этому обстоятельству» — это

беспользные указания. *Как сделать это*, зависит всецело от понимания личности свидетеля, а это понимание является плодом непосредственного наблюдения за ним, когда он стоит перед судом, и знания человеческой природы вообще.

Всякий раз, когда в своем изложении я решался сказать; это правило искусства, хотя донныне нигде не написанное, но могущее быть выраженным с точностью аксиомы, — в каждом таком случае я мог бы подтвердить свои слова примерами: если кому-либо покажется, что их недостаточно, я могу только возразить, что их слишком много.

Каким случайным делом было наше адвокатское искусство в былые годы! Бесконечные речи, тянувшиеся по часам, иногда по целым дням; неумелые и потому также нескончаемые перекрестные допросы; первоначальные допросы, которые, вместо того чтобы расположить все данные дела в соответственном порядке, сбивали все в кучу, как на складе старой мебели; председательские наставления, скорее в духе «расширения торговли по случаю ремонта», чем в виде точного изложения фактов для облегчения присяжных, и — я позволю себе сказать, не к достоинству милорда судьи. Мы видели все это своими глазами; и грустное наблюдение за всеми этими несовершенствами побуждало меня набрасывать на бумаге замеченные ошибки, с тем чтобы избегать их на будущее время.

Однако, скажут, величайшие адвокаты прошлого не знали писаных правил, а все прочие с успехом обходились без них. Могу только сказать, что великие адвокаты: Эрскин, Брум и немногие другие знали все правила, хотя правила и не были написаны. Стоит только просмотреть их речи, чтобы убедиться в этом; и стоит также проследить за деятельностью тех, которые не знали правил, чтобы убедиться, что, хотя они легко обходились без этого знания, их клиенты много выиграли бы, если бы их поверенные обладали некоторыми познаниями в искусстве, которому служат.

Не знаю, позволительно ли будет привести здесь азбучный пример самого неудачного приема, какой только можно представить себе в нашем деле. Среди моих молодых друзей найдутся такие, которых он приводит в негодование, но многие улыбнутся, зная, как много в нем обидной правды.

За свидетельской решеткой стоит полицейский констебель. Раздается нежный вкрадчивый голос: перед чарами такого голоса, казалось бы, нет сил у свидетеля удержать ответ, долженствующий распахнуть перед подсудимым ворота тюрьмы на все четыре стороны: «Скажите, пожалуйста, констебель, были у вас какие-нибудь определенные основания к задержанию подсудимого? Почему, собственно, заподозрили вы его в этой краже?» (правила английского судопроизводства не допускают показания о личности подсудимого со стороны свидетелей обвинения; оглашение прежней судимости также воспрещено).

Вот и образец прямого вопроса. Судьи любят прямоту в сторонах, присяжные восхищены изящным обращением защитника, полицейский доволен, что ему не ставят ловушек под ногами.

— Почему заподозрил? — повторяет свидетель; да потому, что это первый вор в целом околотке.

Я мог бы подняться от этого скромного начала до очень высоких пределов негодности, но к чему это? Всем известно, что посредственные адвокаты старой школы были столь же свободны от всяких познаний в области того искусства, которое должно было лежать в основании всей их деятельности, как если бы вы взяли первого встречного рабочего на улице и, надев ему парик и тогу, послали его вести дело в суде. Несомненно даже, что он сделал бы меньше ошибок, ибо скорее дошел бы до конца всех своих стараний. Я знаю, что плохой адвокат может добраться почти до самого конца процесса, не выдав своей негодности клиенту. Стряпчие, по-видимому, думают, что все люди стоят приблизительно на одинаковом умственном уровне и что адвокаты поступают в сословие так же, как механическая обувь на рынок: все под один образец; разница только в размерах, но не в выработке.

Вся эта посредственность служит своему посредственному назначению, но адвокатское искусство должно стоять выше этого. Человек, севший за вист, не зная правил игры, не представляет более жалкой фигуры в глазах опытных игроков, чем адвокат, не знающий правил своего искусства, никогда не думавший о том, *как, почему, когда, каким способом, в каком тоне* следует задать вопрос; кто не научился

читать в ответах свидетеля, прислушиваться к его тону, следить за его обращением и за многими другими подробностями, выясняющими значение его показаний. Палить в свидетеля вопросами нетрудно, но и бесплодно; это не искусство; длинные речи можно тянуть по часам, но это прямая противоположность искусства. Это умеет почти всякий. А если задуматься над тем, что в деле бывают поставлены на карту жизнь, достояние, общественное положение, честь и доброе имя людей, вверившихся адвокату, то нельзя не сказать, что нравственный долг обязывает его потрудиться настолько, чтобы усвоить хотя бы основные начала того искусства, которое служит успеху в этой ответственной борьбе.

СОДЕРЖАНИЕ

Посвящение переводчика.....	5
Предисловие переводчика.....	6
Вступление.....	8
<i>Глава I.</i> Вступительная речь.....	17
<i>Глава II.</i> Первоначальный допрос.....	41
<i>Глава III.</i> Перекрестный допрос.....	55
<i>Глава IV.</i> Типы свидетелей и указания о приемах их перекрестного допроса.....	70
<i>Глава V.</i> Ложное алиби.....	143
<i>Глава VI.</i> О передопросе.....	148
<i>Глава VII.</i> О вступительной речи поверенного ответчика.....	155
<i>Глава VIII.</i> О заключительной речи ответчика.....	164
<i>Глава IX.</i> О возражении со стороны истца.....	166
<i>Глава X.</i> Об обвинении на суде.....	182
<i>Глава XI.</i> О защите на суде.....	199
<i>Глава XII.</i> Примерные дела.....	215
<i>Глава XIII.</i> Разбор вступительной речи сэра Александра Кокбурна по делу Пальмера, обвинявшегося в отравлении г-на Парсонса Кука (1856).....	243

<i>Глава XIV. Примеры возражений, заключений и т. п.</i>	267
<i>Глава XV. Еще один необыкновенный случай перекрестного допроса</i>	271
<i>Глава XVI. Несколько слов об учреждении должности государственного обвинителя</i>	278
<i>Глава XVII. О сохранении обряда предания суду присяжными заседателями</i>	281
<i>Глава XVIII. Тактика</i>	284

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Ричард ГАРРИС

ШКОЛА
АДВОКАТУРЫ

(Російською мовою)

Підписано до друку 20.04.2020 р. Формат 60x84 1/16.
Друк лазерний. Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman.
Ум. друк. арк. 19.

ТОВ «Видавництво «Центр учбової літератури»
м. Київ, вул. Лаврська, 20

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру видавців,
виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 2458 від 30.03.2006 р.